

В.В. Кучма

(Волгоград)

ТРАКТАТ "DE VELITATIONE BELLICA": ПРОБЛЕМЫ ЖАНРА И ОСНОВНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Трактат, вошедший в научный оборот под латинским наименованием "De velitatione bellica"¹, занимает специфическое место среди памятников военной литературы. В отличие от универсальных руководств, рассчитанных на длительную перспективу применения против любого вероятного противника, анализируемый трактат не имеет всеобъемлющего, энциклопедического характера, не отличается высокой степенью научного теоретизирования; он тесно привязан к своему времени и предназначен для применения в конкретном географическом регионе (восточные фемы империи и прилегающие пограничные области) против точно идентифицированного противника (арабы).

В греко-римской военной теории существовало определение стратегии как высшего полководческого искусства, рассматривающего общетеоретические проблемы подготовки страны и армии к войне, а также вопросы планирования и непосредственного проведения военных кампаний. Под тактикой понималось в первую очередь искусство боевого построения войск, способы управления ими на поле боя. Различия между стратегией и тактикой не мог не знать и автор анализируемого трактата². Созданное же им самим военное руководство, строго говоря,

¹ Первое научное издание трактата, осуществленное К. Б. Газе (*Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem et liber de Velitatione bellica Nicephori Augusti* / Ed. C. В. Hase. Parisiis, 1819), было впоследствии воспроизведено в Боннском корпусе (*Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*, 14. Bonnae, 1828) — мы пользуемся этим изданием (далее при ссылках — *De vel. bell.*). Имеется старый русский перевод: История Льва Дьякона Калоийского и другие сочинения византийских писателей, переведенные с греческого на российский язык Д. Поповым. СПб, 1820. В последние годы появились два новых издания трактата: *Three Byzantine Military Treatises / Text, Translation and Notes* by G. Dennis. Wash., 1985; *Dagron G., Mihaiescu H. La traite sur la guerilla de l'empereur Nicephore Phocas*. P., 1986.

² См., например: *De vel. bell.* Pp. 239, 18; 241, 11-12; 246, 2.

не может быть однозначно отнесено ни к стратегическим, ни к тактическим: будучи ограниченнее первых, оно явно масштабнее вторых.

За пределами внимания автора трактата полностью остались общефилософские, доктринальные идеи относительно самого понятия войны, ее роли в жизни общества и государства (в частности, знаменитая теория "законной причины войны", со времен Анаксандра занимавшая умы военных теоретиков). Автору трактата, несомненно, был известен развернутый план по подготовке к ведению войны на территории империи, разработанный в "Тактике Льва", на которую имеется прямая ссылка¹. Однако в отличие от глобальных, всеобъемлющих установок венценосного автора "Тактики"² автор "De velitatione bellica", мыслящий на уровне фемного стратига, ограничился лишь разрозненными фрагментарными указаниями, фактически сведя дело к рекомендациям по обороне городов³.

Можно утверждать, что в анализируемом трактате содер­жатся лишь две крупные стратегические идеи. Одна из них могла бы быть условно названа идеей стратегического заслона⁴. Суть данного маневра заключалась в недопущении вторжения врага на территорию империи; успех при этом достигался одной лишь демонстрацией готовности к сражению⁵. Другой стратегический маневр осуществлялся в ситуации, когда неприятельская армия уже вторглась в пределы империи. Лучшим способом противодействия считалась параллельная демонстративная экспедиция в землю неприятелей, благодаря которой можно было вынудить врага к отступлению, даже не прибегая к генеральному сражению⁶.

Если обратиться к проблемам, относящимся к категории тактических, то и здесь в информации анализируемого сочинения имеются значительные пробелы. Так, почти без всякого специального анализа оставлены вопросы численности, структуры, внутренней организации

¹ Ibid. P. 241. 11-13.

² См. об этом подробно: Кучма В.В. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX-X вв. по "Тактике Льва" // АДСВ. №9. Свердловск, 1973.

³ De vel. bell. Pp. 245-248.

⁴ Ibid. Pp. 189-191.

⁵ Ibid. P. 191. 9-15.

⁶ Ibid. Pp. 243.16 — 244.7.

армейских подразделений, а также их вооружения, снаряжения и снабжения. Совершенно отсутствуют сведения о военном обучении статиотов — сюжеты, привлекавшие самое пристальное внимание других военных авторов. Нет информации и о том, что составляет самую суть тактики — принципах боевого построения войск. Не сообщается практически ничего о порядке совершения маршей, способах преодоления водных преград, принципах лагерного устройства, инженерном оборудовании местности, подготовке и обслуживанию осадных механизмов.

С учетом сказанного зададимся вопросами: о чем же, собственно, идет речь в анализируемом трактате? Какой главной проблеме он посвящен? Что составляет его основное содержание?

Ответ находим в самом трактате. Автор свидетельствует, что его целью является детальная разработка военного метода, обозначенного термином "*парадромія*". Первым учителем этого метода явился "блаженный кесарь Варда", командовавший войсками в областях Тарса, Каппадокии и Анатолика. "От него,— продолжает автор,— мы и научились этому методу и даже в какой-то мере испытали его на практике" ¹. Указав, что император Никифор (несомненно, Никифор II Фока) знал указанный метод в совершенстве, поскольку использовал его несчетное множество раз ², автор трактата далее сообщает, что Никифор изложил этот метод в виде краткой письменной инструкции, а затем поручил описать его как можно более подробно и передать потомству, — создав настоящее военное руководство, автор тем самым выполнил данное ему императором поручение ³.

Суть вопроса сводится, следовательно, к правильному пониманию термина *парадромія*, причем не столько в его этимологическом смысле, сколько в значении его как специфической военно-технической категории ⁴.

¹ Ibid. P. 185, 8-10. Упомянутый здесь исторический персонаж — это, без сомнения, Варда Фока, отец будущего императора Никифора II Фоки (963 — 969).

² De vel. bell. P. 185. 16.

³ Ibid. P. 186. 1-11.

⁴ Добавим, кстати, что данный военно-технический термин вполне может оказаться продуктом оригинального творчества самого автора трактата либо, по крайней мере, термином именно его эпохи; заметим, что в главном памятнике византийской военной литературы — "Стратегиконе Маврикия" — он не встречается ни разу.

Уже первый издатель трактата К.Б. Газе, даже не будучи военным специалистом, проникательно уловил ключевой смысл данного понятия в анализируемом сочинении и с полным основанием внес его в заглавие трактата: *περί παραδρομῆς πολέμων*... Как разъяснил сам К.Б. Газе¹, термин *παραδρομῆς* используется в тех случаях, когда нужно обозначать следующую ситуацию: противник, вторгнувшийся на территорию империи и совершающий по ней марш, находится под постоянным скрытым наблюдением и сопровождением сторожевых постов и авангардных частей византийской армии, также находящихся в мобильном состоянии; главная цель означенных мероприятий состоит в том, чтобы не допустить разграбления собственных пограничных областей и при благоприятном стечении обстоятельств нанести поражение вторгнувшемуся неприятелю.

Смысловая трактовка термина *παραδρομῆς* первым издателем должна быть признана безупречной. Однако в предложенном им латинском наименовании трактата ключевое слово "velitatione" является понятием совершенно иного смыслового ряда, чем *παραδρομῆς*, вследствие чего замысел сочинения существенно трансформируется: описания военных столкновений не являлись для автора самоцелью — они лишь аксессуары метода, ради разъяснения которого он и взялся за перо.

Вторая ошибка К.Б. Газе в определении максимально точного названия трактата состояла в том, что он не включил в него и термин "*παραμονῆς*", который (а также производные от него) встречается в трактате даже чаще, чем *παραδρομῆς*² Термин *παραμονῆς* предполагает, что наблюдение осуществляется за противником, находящимся не в мобильном, а в стационарном состоянии; в свою очередь, и само наблюдение производится не с подвижных сторожевых постов, а со стационарных. Этому термину придется важнейшее смысловое значение, поскольку обозначаемые им действия составляют существенный компонент пропагандируемого автором метода.

Из тех немногих исследователей, которые, кроме К.Б. Газе, обращали внимание на греческое наименование

¹ De vel. bell. Comment. P.513.

² См., например: Ibid. Pp. 197, 219, 220, 223, 224, 225.

трактата, наиболее точную аналогию термину *парадроуи* предложил М. Йенс¹ — термин "Begleiten" ("сопровождение"). Подавляющее же большинство исследователей восприняли в качестве канонического предложенное К.Б. Газе латинское наименование трактата и к греческому оригиналу, как правило, не возвращались. В их числе оказался и единственный русский переводчик трактата Д. Попов ("О шибках с неприятелями"). Определенное влияние указанной коллизии испытали, вероятно, и авторы новейшего французского издания: предложенное ими наименование, где ключевым является испанский термин "guerrilla", представляется нам по крайней мере небесспорным.

Мы полагаем, что лучшим вариантом наименования трактата был бы тот, в котором присутствовали бы оба ключевых термина — и *парадроуи*, и *парамоуи*, играющие роль квалифицирующих признаков описываемого военного метода. Лучшим русским аналогом первого понятия был бы термин "сопровождение", а с учетом военной специфики — термины "конвой", "конвоирование"; второго понятия — термин "наблюдение". Исходя из этого, можно предложить окончательный русский вариант названия трактата: "О методе конвоирования и наблюдения неприятеля", — на наш взгляд, он наиболее адекватно соответствует замыслу автора; для краткости можно было бы именовать анализируемое сочинение "Трактатом о конвоях". Что же касается подробного военно-теоретического анализа содержания указанного метода, то он должен явиться предметом специального исследования.

Таким образом, разнохарактерность, разноплановость изложенной в трактате информации, равно как и отмеченные выше пробелы в ней, объясняются прагматичностью и утилитарностью исходной установки. Поскольку в качестве объекта исследования был избран не отдельный элемент военного дела в его статичном состоянии, а метод боевых действий, предполагающих динамику своей реализации, трактат неизбежно принял характер комплексного междотраслевого исследования многих компонентов военно-научных знаний, как смежных, маргинальных, так

---

¹ Jahns M. Geschichte der Kriegswissenschaften. Erste Abteilung. München und Leipzig, 1889. S.176.

и на первый взгляд весьма друг от друга отдаленных. В результате достоянием византийской военной литературы стало небольшое по объему, сознательно ограниченное по содержанию, но глубокое по разработке затронутых в нем проблем синтетическое руководство, имеющее к тому же сугубо практический характер. Это руководство ни в коей мере не отменяло и не подменяло всех прочих действовавших тогда военных регламентов и уставов — оно их органически дополняло, входя весомым компонентом в глобальный комплекс военно-научных знаний, формируемых в сознании современников всей совокупностью предшествующей традиции.